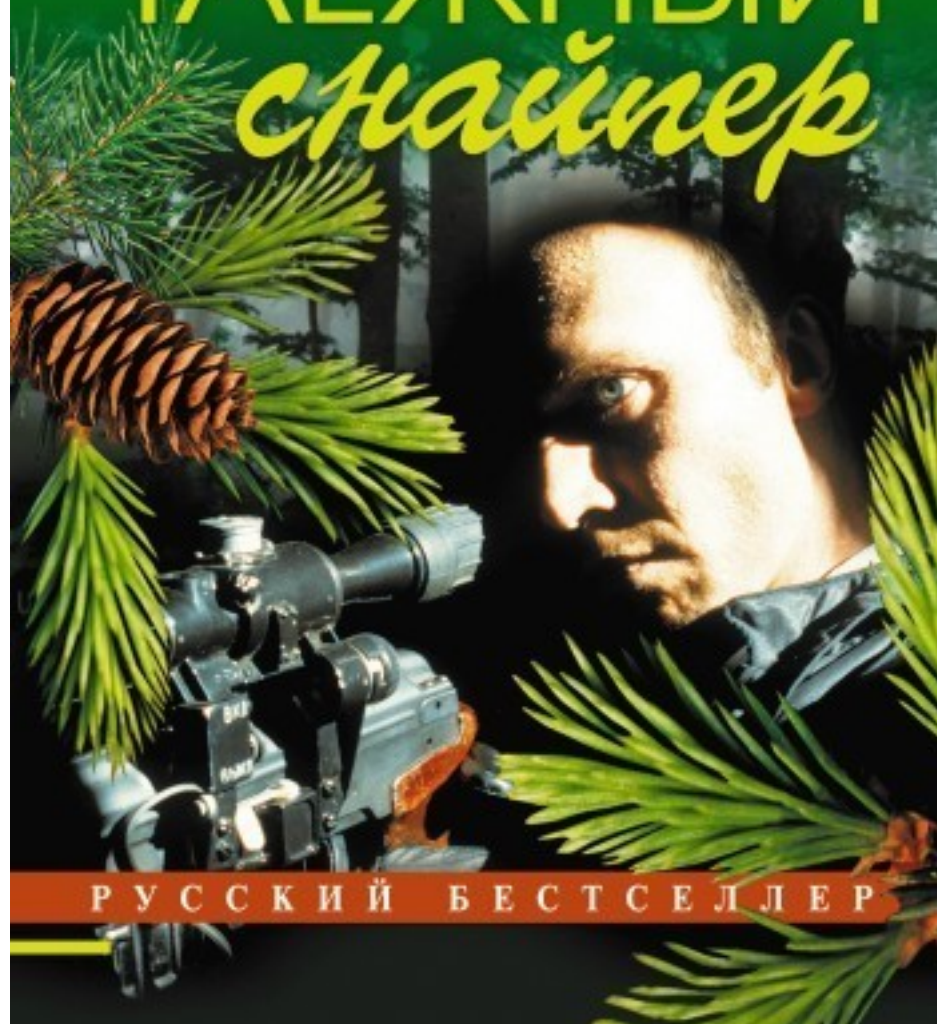

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ТАЕЖНЫЙ снайпер

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Тажный снайпер

«ЭКСМО»

2009

Леонов Н. И.

Таежный снайпер / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2009 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-37432-8

Охотились на рысь, а в итоге убит один из столичных охотников. Это явно не трагическая случайность, а хорошо спланированное преступление. Полковник Гуров интуитивно чувствует, что имеет дело с серьезным криминальным сообществом. Он отправляется в тайгу, чтобы взять след. И, похоже, ему это удастся. Но след самого Гурова взяли, в свою очередь, матерые головорезы. Охота началась... Книга также издавалась под названием «Таежная зона».

ISBN 978-5-699-37432-8

© Леонов Н. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Иркутская область. Нижнеудинск. Лесной массив	5
Москва. Кабинет начальника четвертой автоколонны областного транспортного управления	10
Иркутск. ФГУП. Аэропорт. Иркутск	16
Москва. Казино «Нить Ариадны»	22
Иркутская область. Нижнеудинск. Лесной массив	27
Рублевка. Особняк Александра Глазберга	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Таежный снайпер

Иркутская область. Нижнеудинск. Лесной массив

– Восемь треф, – с улыбкой объявил Глазберг, любовно складывая десять карт в единую стопку и опуская их себе на ладонь рубашками вверх.

– Восемь? – вскинулся сидящий справа от него светловолосый мужчина.

– Восемь, – уверенно повторил Глазберг.

– А сколько мне там еще осталось? – Угланов скосил глаза на расписанную «пулю». – Черт! Так ты меня закроешь.

– Это твои проблемы, салага. – Глазберг рассмеялся, пыхнул сигаретой и перевел взгляд за окно.

В густом тумане фигура человека едва маячила на расстоянии десяти-пятнадцати шагов. Проселочная дорога, идущая сквозь лес к охотничьему зимовью, была испещрена следами протекторов автомобиля, четко пропечатанными на глинистом месиве. У гигантского бревенчатого двухэтажного сруба, расположенного на границе между лесом и бурной горной рекой, стоял огромный внедорожник последней марки с открытыми настежь дверями.

– Охотники хреновы! Кто в такую погоду на кошку ходит? – послышался голос сидящего за рулем автомобиля мужчины. – Вань, сам подумай, ты видел когда-нибудь кошку, шляющуюся ночью по грязи? Чем рысь-то хуже?

Человек, которому предназначалась эта реплика, сделал вид, что не обратил на нее никакого внимания. Он открыл багажное отделение автомобиля и запустил внутрь черно-белую лайку хаски.

– Альма поедет с нами. А то она без меня этих пьяных придурков порвет, – густым басом коротко бросил он и с размаху ухнулся на переднее сиденье автомобиля. Машина заметно осела под тяжестью огромной фигуры сибиряка. – Слышь, Юрец, почему ты всегда канючишь? Прокатимся сейчас пару кругов. Наследим. Поболтаем заодно... Разговор у меня к тебе есть, Юр...

– А-а! Вот в чем дело. Тебе здесь потрепаться не годится? – Человек за рулем повернулся всем корпусом к двери, наклонился, громко откашлялся и сплюнул на землю. – Да ладно, Вань, я-то тебя понимаю. Сам люблю охоту. В отличие от этих пьяниц. Но туман такой, холодно... Сам же видишь? Дал бы выспаться. Я вон простыл. С утра бы встали пораньше и пошли бы на зверя. А сейчас... Я бы и сам вмазал с удовольствием.

– Да пошел ты! Хоть ты прекрати эти разговоры.

Дверь дома со скрипом отворилась, и оттуда, слегка пошатываясь, вышли еще два человека. С трудом преодолев расстояние от дома до машины, они по очереди протиснулись в узкий дверной проем автомобиля.

– А вот и наши охотнички. Заводи, Юрец, – сибиряк с грохотом хлопнул дверью машины. – А что, начальник твой не поедет?

– Угланов-то? А зачем он нам нужен? Он в картишки сейчас режется. Получает удовольствие, так сказать. Это мы – отморозки. В такую погоду...

– Все-все. Я понял. Трогай давай. – Машину повело в сторону, затем, выровнявшись, джип мерно покатыл по просеке, оставляя за собой глубокий след протекторов.

Темнело. Проехав через лес километров десять-пятнадцать, машина выехала на пустынный перешеек. Широкая дорога в этом месте шла по поляне, образующей довольно большой

пустырь между двумя лесами. Проселок делил его на две равные половины. Машина остановилась в центре пустыря, и все четверо пассажиров вышли на дорогу.

– Юр, включай фары. Посмотрим след. Только не выпусти Альму, – бас сибиряка тонул в тяжелом влажном воздухе тайги.

Он уже удалился метров на десять от машины, и его силуэт был едва различим в тумане и сгущающейся темноте. Пригнувшись к земле, мужчина, тяжело дыша, пытался рассмотреть следы, оставленные на дороге ранее проезжавшими машинами и обитателями тайги. Через мгновение на крыше автомобиля загудели мощные прожекторы, осветившие площадку вокруг.

– Дорога вся изрыта. Похоже, мы не одни в лесу, – вставая с четверенек, констатировал охотник. – Зверь будет. Вот увидите.

Оба пассажира с заднего сиденья стояли чуть поодаль от машины и безучастно наблюдали за происходящим, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Садитесь в машину и ждите. Сейчас прокатимся еще пару-тройку километров и поедем обратно, – скомандовал сибиряк и переключил внимание на водителя. – Юрец, утром встанешь на этой опушке, на номере. Метров через двести дорога поворачивает направо. Второй номер поставим за поворотом. Машину оставишь около скрадки в лесу. К перешейку ближе трех-четырех километров не подъезжай.

– Сейчас тут ни черта не видно. Я все равно ничего не запомню, – возразил было Юрий, но ему не дали договорить.

– Иди сюда, сейчас я тебе покажу конкретно, где встать.

Мужчины отошли от машины. Их силуэты были различимы в свете мощного прожектора, но туман скрадывал движения охотников. Они активно жестикулировали, было件нятно, что между ними шел какой-то напряженный разговор. Через пять минут они вернулись к машине и сели по местам.

– Трогай домой.

Джип развернулся и поехал в обратном направлении.

Когда охотники вернулись, стало уже совсем темно. В доме на первом этаже горел яркий свет. Просторная комната на первом этаже была наполнена густым табачным дымом и запахом алкоголя. В камине горел огонь, рядом с ним на деревянных досках пола сидел дед в фуфайке и пушистых толстой вязки шерстяных носках. Карты веером валялись на полу. Высокоинтеллектуальная игра завершилась.

– Вы все пьете? – пригнувшись, чтобы не задеть головой дверной проем, сказал сибиряк, проходя в гостиную.

За ним, стряхивая влажный конденсат с куртки, в комнату вошел Юрий.

– О, охотники приехали, – сказал один из сидящих за широким длинным столом мужчин. – Юра, а почему у тебя куртка мокрая?

– Да ладно тебе, Степа. Посмотрим, какая у тебя завтра будет, если ты вообще встанешь с утра.

Входная дверь отворилась снова, и в комнату ввалились двое отставших охотников. За ними в помещение вбежала лайка. По их лицам было件видно, что хмель за время прогулки уже успел выветриться. Они прошли к столу и сели на деревянные лавочки по разные стороны.

– Налейте и мне, что ли. – К столу подсел сибиряк и, развернувшись своей могучей спиной к сидящим за столом, обратился к старику, пристроившемуся у камина: – Дед, скажи. Я сейчас проехал вокруг леса. Доехали мы до «Чертовой дыры», а там чьи-то следы на дороге. Кого ты здесь без меня принимал? Раскалывайся.

– Да бог с тобой, Иван Андреевич. Что ты говоришь такое? Сейчас не сезон, сам знаешь. Никого я сейчас не пушу в лес. А если что, тебе первому скажу. Обознался ты, сынок. Сами небось напились да поехали кататься. А потом забыли...

– Ладно, дед, не злись. С утра пойду в загон сам. Скажи лучше, откуда мне рысь гнать?

– С этими, что ли, в загон пойдешь? – Егерь неодобрительно кивнул в сторону сидящих за столом, уже изрядно подвыпивших мужчин. Но, поняв по выражению лица собеседника, что он не желает обсуждать эту тему, тут же перевел разговор в нужное русло: – Пойдешь прямо от дома через лес. Через сорок минут выйдешь к «Дыре». Альму возьми с собой. Когда найдешь свежий след рыси, дай понять Альме, что тебе интересна только рысь, не дай сбиться на другой след. И гони ее до «Дыры». Там поставь два-три человека на номера. Один по центру. И два на поворотах, к «Дыре» и из «Дыры». Понял?

– Спасибо, Антоныч. Понял.

В семь часов утра, несмотря на бурно проведенное окончание вчерашнего дня, все охотники собрались в гостиной на первом этаже. Кто-то уже сидел за столом, успев изрядно «позавтракать». Сибиряк, спускаясь со второго этажа дома по скрипучим деревянным ступеням, командовал, чтобы все выходили на улицу. Через две минуты шесть вооруженных охотников стояли около заляпанного ошметками глины внедорожника. Двое из них неуверенно держались на ногах. Один вдруг, ничего не говоря, двинулся в сторону леса. Он вскинул на плечо оружие и без разбора начал беспорядочную пальбу по деревьям.

– Паш, ты что?! Совсем обдолбался? – сорвавшись с места, прокричал сибиряк и рванул вслед за уходящим человеком.

Догнав беглеца, он сбоку мощным ударом в челюсть свалил его на землю. Автомат выпал из рук. Затем сибиряк взвалил безжизненное тело себе на плечо, перекинув руку изрядно подвыпившего охотника себе через шею. Тот, не сопротивляясь, повис кулем.

– Ты куда в таком состоянии собрался?

– В лес... По делам... – язык говорившего сильно заплетался.

– Ты в тайге, Паша, а ведешь себя как гость. Я тебя не узнаю, мать твою! Останешься дома с Антонычем. Понял? Отведи его в дом и запри там, – передавая расслабленное тело выскочившему из дома на звуки автоматной очереди егерю, сказал сибиряк. – Антоныч, не выпускай его, пока мы не вернемся. Запри дверь и оружие. А то проблем не оберешься. Ладно, братва. По машинам, – переключившись на стоявших около двух джипов охотников, пробасил сибиряк. – Антоныч, возьми у Митрофанова в комнате мое ружье «бенелли» и притащи сюда, – крикнул он вдогонку егерю, надрывающемуся под тяжестью начавшего сопротивляться Митрофанова. – Отдашь ружье Степану.

– Антоныч, если не хочешь, не тащи его в дом. А то я не знаю, когда мы вернемся, – подал голос Юрий. – Ты с ним один не справишься. Отведи его лучше в машину к Степану, – он указал на второй внедорожник, в котором уже сидели двое охотников. – Пусть едет с нами.

– Юр, поехали. Высадишь меня километра через три от дома. Оттуда я пойду пешком, – сказал сибиряк, аккуратно укладывая свое ружье на заднее сиденье машины. Потом развернулся назад, к багажному отделению, где уже сидела его собака, и потрепал ее по голове. – Ты помнишь, где мы вчера ползали на опушке? Вот там встанете на номера.

После вчерашнего разговора в тумане Юрий уже не был так же любезен с собеседником. Сибиряк не придавал этому никакого значения.

– Ты вставай по центру. Где была машина, – продолжал он свой инструктаж в присущем ему повелительном тоне. – Степан встанет за поворотом по ходу дороги. Третьего поставите перед въездом в «Чертову дыру». Стрелять только в сторону леса. Если что, я на связи. Наберешь мой номер телефона.

Машина тронулась. На переднем сиденье автомобиля молча сидел один из вчерашних охотников. Он так же безучастно, как и накануне, наблюдал за происходящим. Через две минуты отъехал второй внедорожник, в котором находились начальник Юрия, Угланов, его недавний собеседник – политик Сергей Поперечный и Павел Митрофанов.

Юрий Дражайский высадил Ивана там, где они договаривались, и тронул джип дальше.

– Он меня достал, – признался Дражайский.

– Да забей ты на него, – посоветовал сидящий рядом Глазберг. – В последнее время Иван всех подряд достает. Словно с цепи сорвался. То не так, это не так... Я уж с ним и разговаривать-то перестал. – Он склонился к бардачку, раскрыл его и выудил оттуда банку пива. С хлопком сорвал кольцо. – Хлебнешь?

– Не, я потом, – отказался Дражайский. – И так башка гудит после вчерашнего.

– Так вот и надо подлечиться.

Юрий еще раз отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Глазберг.

Глядя прямо перед собой на окутанный утренним туманом лес, он с удовольствием сделал несколько глотков и поставил открытую банку на правое колено. Автомобиль тряхнуло на ухабе, и несколько пенистых капель упало на новенькие камуфляжные штаны Александра. Он небрежно смахнул их рукой. Глотнул еще раз.

– Что решил с долгом? – неожиданно прозвучал вопрос.

Дражайский вздрогнул, как от стремительно нанесенной ему хлесткой пощечины. Машина вильнула на тропе, но уже в следующую секунду Юрий сумел вернуть управление. Ладони, лежащие на рулевом колесе, вспотели от напряжения. Он бросил короткий взгляд в сторону Глазберга, но тот оставался спокоен и невозмутим, как всегда. Правильный греческий профиль, тонкие сомкнутые в единую линию губы, ярко-голубые глаза на смуглом фоне лица. Однако Дражайскому лучше, чем кому-либо другому, было известно о том, что такое выражение Глазберга не более чем маска. Напротив, как раз тогда, когда эта маска появлялась у него на лице, это не предвещало ничего хорошего для человека, с которым Александр разговаривал. Обычно простой, общительный и вполне жизнерадостный человек, готовый откликнуться на любую просьбу близких, Глазберг становился настоящим монстром, когда дело касалось его собственного бизнеса и денег.

– А что я должен был решить? – Дражайский лихорадочно облизал губы. Он еще толком не отошел от общения с Дибеловичем, как назревал новый неприятный разговор. – Ты же дал мне отсрочку. Или нет?

– Дал, – Глазберг кивнул. – Но она же не пожизненная, Юра?

– То есть... Ну... И сколько же времени у меня осталось?

– Нисколько, – жестко ответил Глазберг, но, тут же развернувшись к Дражайскому лицом, миролюбиво и даже ласково добавил: – Ты пойми, старик, я ведь не меценат в самом деле. Как говорится, жизнь дорожает, падая в цене. Слышал, наверное, такую поговорку? Могу подкинуть еще одну: «Деньги должны делать деньги». А твои долги никак не способствуют увеличению моих доходов...

«Змея! Настоящая змея, – мелькнуло в сознании Дражайского. – Лесная гадюка. А чего я ожидал? На что, черт возьми, рассчитывал? Глазберг всегда таким был и всегда таким останется».

– Ну, дай мне еще время, Саша. – Он остановил машину, зная, что в этой точке Глазберг будет десантироваться для того, чтобы чуть позже занять свою позицию и посодействовать в загоне Дибеловичу. Номер самого Дражайского располагался чуть дальше. – Я отдам. Все отдам, ты же меня знаешь. Просто у меня сейчас... Ну, как бы это сказать?... Временные финансовые трудности, что ли.

Глазберг не торопился покидать салон автомобиля. Допив пиво, он смял баночку сильными узловатыми пальцами и бросил ее обратно в бардачок. Усмехнулся.

– Насколько я могу судить, – он сдвинул на затылок зеленую вязаную шапочку, без которой никогда не отправлялся на охоту, – у тебя эти финансовые трудности здорово подзатынулись. Месяца два уже, кажется, если я не ошибаюсь. И что-то подсказывает мне, Юрец, что они и не собираются заканчиваться. Мы, кстати, оба знаем, по какой причине. Отсюда вывод. Накрылись мои денежки. Пыльным мешком накрылись...

– Ну, зачем ты так? Я...

– Я разговаривал с ребятами. И знаешь, они, оказывается, того же мнения. Ты садишься на мель, старик.

– Я выплыву, – Дражайский попытался выжать из себя улыбку, но получилось не очень естественно. – Мне же не впервой.

Глазберг перевел взгляд за окно, помолчал пару секунд, а затем веско, словно принимая для себя самого какое-то решение, произнес:

– Не уверен. Прости, Юрец.

Дражайский хотел сказать еще что-то в свое оправдание, но не успел. Глазберг развернулся, взял с заднего сиденья нарезное ружье и сумку, после чего, не добавив к сказанному ни слова, выбрался из салона. Хлопок дверцы показался Дражайскому подобным раскату грома. Проводив Глазберга взглядом, он смахнул со лба выступившие капли пота и тронул автомобиль с места. Теперь он был один, но это обстоятельство поспособствовало еще более хаотическому нагромождению невеселых мыслей. Машина неспешно петляла по тропе среди густорастущих деревьев.

Дражайский остановил внедорожник в условленном ранее месте и еще с пару километров прошел пешком в глубь леса. Туда, куда они наведывались с Дибеловичем вчера вечером. В какое-то мгновение где-то поблизости с его номером Дражайскому послышался хруст веток. Он замер и прислушался. Показалось? Или это кто-то из участников охоты, перебрав лишнего, сместился к нему чересчур близко?

– Эй! Братва!

Ему никто не ответил. Дражайский пожал плечами, сбросил на землю сумку и расчехлил ружье. Любовно погладил гладкий, поблескивающий в слабых предрассветных лучах, приглушенных листвой и туманом, ствол оружия. Огляделся. Сверился с наручными часами. По его подсчетам, гон должен был начаться не ранее чем через сорок минут. В том, что зверь пойдет здесь, мимо него, Дражайский не сомневался. С его богатым охотничьим опытом он редко ошибался в выборе номера. Еще реже ошибки допускал Дибелович. Уж в чем-чем, а в звериной интуиции на этот счет коренному сибиряку не откажешь.

За спиной Дражайского вновь прозвучал едва уловимый на слух хруст ломаемых веток. Буквально в двух-трех шагах. Юрий резко обернулся, и глаза его округлились от удивления.

– Ты? Что ты тут делаешь? И какого?..

Оружие смотрело точно ему в грудь. Дражайский шагнул вперед, но выстрел остановил его движение. Грудь опалило огнем, а все тело пронзила острая нестерпимая боль. Дражайский выронил ружье и машинально прикрыл рану двумя руками. Опустил взгляд. В эту секунду грохнул еще один выстрел. Сзади и на более отдаленном расстоянии. Дражайскому показалось, что ужалили в затылок. Но это было последнее ощущение в его жизни.

Москва. Кабинет начальника четвертой автоколонны областного транспортного управления

Гуров пристально изучал сидящего в низком кожаном кресле мужчину с редкими черными волосами, зализанными на правую сторону, сквозь которые отлично просматривалась розоватая лысина. Высокий покатый лоб, маленькие, глубоко посаженные глазки, двойной подбородок. Начальнику четвертой автоколонны Степану Степановичу Угланову было немногим меньше пятидесяти, но более точно определить его возраст не представлялось возможным. Он выглядел слегка полноватым, но при этом неплохо сложен. По всему было видно, что Степан Степанович старается следить за собой.

– Юра впервые пригласил меня на охоту, – опираясь одной рукой на подлокотник кресла, другую Угланов держал на весу. Между средним и указательным пальцами дымилась сигарета, однако затягивался он ею крайне редко. – Я давно мечтал о ней. Хотел понять и почувствовать на собственной шкуре, что же это такое. Вот и почувствовал, – он грустно усмехнулся. – Если бы я знал, что так случится... Хотя...

– А сам Юрий Валентинович часто охотился? – спросил Крячко.

Станислав сидел на диване рядом со своим напарником, беспрестанно комкая в кулаке носовой платок. Голос Крячко звучал глухо и сипло. Сказывалась подкосившая его пару дней назад простуда. Температуры, правда, не было, но полковник все равно чувствовал себя крайне разбитым. Насморк и кашель не давали покоя.

– О, да! – Выработанным уже до автоматизма движением Угланов пригладил рукой свои жиденькие волосы и бросил мимолетный взгляд в зеркало, висевшее напротив. – Юра был прирожденный охотник. Он буквально бредил охотой. И если ему не удавалось мотаться в Нижнеудинск каждые выходные, то уж раз в две недели он ездил туда точно. У них сформировалась своя компания...

– А почему именно Нижнеудинск? – поинтересовался Гуров. – Разве в Московской области мало лесных массивов? Или зверь тут недостаточно хорош?

Сыщики подбрасывали Угланову по вопросу то с одной, то с другой стороны, словно играли в пинг-понг. Однако этот нехитрый прием никак не подействовал на Степана Степановича. Он чувствовал себя вполне комфортно и уверенно в комнатке для гостей, расположенной в смежном с его рабочим кабинетом помещении. В нем не наблюдалось никакой нервозности, никакого беспокойства или озабоченности, будто бы речь шла не о недавнем убийстве его заместителя, а об одном из рутинных рабочих моментов. А ведь согласно досье, которое сыщики бегло просмотрели перед тем, как явиться с визитом к Угланову, покойный Дражайский был не просто его коллегой, но и близким товарищем, единомышленником.

– Массивов много, – ответил Степан Степанович. – А вот зверь тут и в самом деле хуже. Во всяком случае, так говорил Юра. Да и остальные тоже. Выбор там побогаче, поэкзотичнее. А потом, я думаю, основная причина заключалась в другом. Антураж. Понимаете, о чем я?

Его последний вопрос остался без должного внимания. Гуров покосился в сторону напарника. Крячко шумно высморкался в платок, зажал его в кулаке и поднял глаза на Угланова.

– Насколько мы поняли, Степан Степанович, – без особого энтузиазма начал Станислав. – Пора было переходить к сути дела, и согласно оговоренной ранее тактике этот момент выпадал на его долю, – убийство Дражайского могло быть совершенно случайным. Необдуманный выстрел, шальная пуля или что-то в том же роде... Однако для полноты картины нам бы все-таки хотелось прояснить эту ситуацию. В частности, взаимоотношения Дражайского со своими партнерами по охоте. Не могли быть у кого-нибудь из них мотивы...

– Что? – изумленно вскинул брови Угланов. – Вы полагаете, что кто-то мог намеренно застрелить Юру. Зачем?

– Это мы и пытаемся выяснить.

– Но ведь я вам уже рассказал...

Гуров тяжело вздохнул. Со слов генерала Орлова, а затем и со слов Степана Степановича ему, да и его напарнику, уже была отлично известна общая картина произошедшего. Во время инцидента почти недельной давности в Нижнеудинске основных охотников было шестеро. Не считая, конечно, местных следопытов, егерей и оруженосцев. Последних пока в расчет можно было не брать, хотя бы по той причине, что согласно заведенным традициям никто из них не мог открыть стрельбу по несущемуся мимо обозначенных номеров зверю. Могли быть и исключения из правил, но в данный момент сыщиков интересовали только пять основных участников охоты. Кто-то из них всадил пулю в Юрия Дражайского, а вернее, две пули, намеренно или случайно. В свою очередь, баллистическая экспертиза не дала никаких результатов. Пули, извлеченные из груди и головы Дражайского, не соответствовали ни одному из имеющихся в наличии орудий. Последнее обстоятельство и послужило причиной для серьезных подозрений, исключающих возможность несчастного случая. Понятное дело, что и признаваться в содеянном никто из пятерки не собирался.

– Я ознакомился с делом, – сообщил подчиненным два часа назад Орлов, водрузив на носочки и методично перелистывая страницы в стареньком скоросшивателе. – И пришел к выводу, что потенциально убить Дражайского могли трое. Его непосредственный начальник Степан Угланов, находившийся в момент гибели Дражайского на противостоящем номере, Иван Дибелович, начальник таможенного отдела Иркутской области, и известный в нашем городе крупный предприниматель Александр Глазберг. Оба последних находились в загоне. Двое других охотников, бывший сотрудник налоговой инспекции, а ныне бизнесмен из Иркутска Павел Митрофанов и лидер политической фракции «Лига интернационалистов» Сергей Поперечный, располагались на третьем и четвертом номере и теоретически не имели возможности достать Дражайского на таком расстоянии. Но, как вы сами понимаете, все это только теория, ребята. Как там и что было на самом деле – шут его знает.

– А на кого они охотились? – спросил Крячко.

– Тут их показания тоже имеют разногласия. – Орлов захлопнул папку и сдвинул ее на край стола, поближе к сидящему рядом Гурову. Полковник взял папку и углубился в ее изучение, вполуха слушая генерала. – Поперечный в своем интервью по данному инциденту указал, что охота велась на пушного зверя. То же самое подтвердил и Глазберг. Дибелович и Угланов уверяют, что охотились преимущественно на кабана. А Митрофанов и вовсе не смог дать вразумительного ответа. Утверждает, что в тот день он здорово набрался. Что называется, сверх нормы.

– Браконьерствовали, что ли? – усмехнулся Крячко.

– Может, и так, – Орлов неопределенно повел плечами. – А может, стреляли в кого попало. Главное ведь процесс. А остальное так, семечки.

– Кого-нибудь из них уже допрашивали официально? – Гуров на мгновение оторвался от просматриваемых бумаг.

– Весьма поверхностно, – поморщился Орлов. – Это дело практически сразу было передано в Главное управление. Меня, можно сказать, обязали разобраться с этим вопросом. Ну, а я, естественно, надеюсь на двух своих лучших подчиненных...

– Вот только давай без грубой лести, Петя, – отмахнулся Гуров. – Как-нибудь перетопчемся.

– А почему именно нам? – вновь подал голос Крячко.

– Так ты подумай, какие шишки тут замешаны, Стас. И не только те, что были с Дражайским на этой чертовой охоте в Нижнеудинске. В прошлую вылазку, например, с ними были два

человека из городской администрации, советники нашего мэра. А до этого – кое-то из президентского аппарата, – Орлов указал пальцем в потолок. – Богемная тусовка, Стас.

– С чего это вдруг сотрудникам президентского аппарата общаться с заместителем начальника одной из колонн транспортного управления?

– Дело тут не в статусе, а в интересах. Охота. Вот что связывает их всех вместе.

– Понятно, – Крячко лениво потянулся в карман пиджака за сигаретами.

Ознакомившись со скудными показаниями участников охоты в Нижнеудинске, сыщики первым делом отправились с визитом к Угланову. Застать последнего на рабочем месте удалось сразу, а узнав, кто к нему пожаловал, Степан Степанович принял сотрудников Главного управления на удивление радушно. Отменил все предстоящие встречи и даже пригласил в комнату для гостей, отгороженную от кабинета скрытой дверью. Здесь все трое удобно и расположились, смакуя кофе из личных запасов Угланова, приготовленный его секретаршей.

– Начнем по порядку, – взял инициативу разговора в свои руки Гуров. – Дибелович.

– Я с ним практически незнаком, – на лице Степана Степановича почему-то обозначилось виноватое выражение. – Но могу сказать одно. Он был у нас за главного. Организатором и все такое. Во-первых, Иван Андреевич из местных, а во-вторых... Должен признаться, он – прирожденный лидер. Ну, знаете, как это бывает? Деятельный, шумный, готовый мгновенно задавить своим авторитетом. Про таких обычно говорят, что их слишком много. Мне достаточно было двух дней общения с Дибеловичем, чтобы почувствовать, как его много. И, кстати, он чертовски вспыльчив по натуре.

– В чем это выражалось?

– С ним невозможно было спорить. – Угланов докурил наконец свою сигарету, большая часть которой бесцельно истлела, и погасил окурочек в пепельнице. – Все непременно должно было быть так, как он того хочет. Он решал, кому где стоять, когда стрелять, как стрелять... Следопытов и оруженосцев вообще гонял в хвост и в гриву. Постоянно. А они его боялись, – начальник автоколонны невольно улыбнулся, судя по всему, припомнив какой-то знаменательный инцидент. – В приступе своих вспышек агрессивности Дибелович способен был убить... – Угланов неожиданно осекся, нахмурился, а затем вдруг с жаром хлопнул себя ладонью по отставленному колену. – Кстати! Я вспомнил!

– Что?

– У Дибеловича была ссора с Юрием. Как раз незадолго до того трагического случая. Я находился на своем номере и, честно говоря, не мог слышать того, по какому поводу они там повздорились. Но прекрасно видел их обоих. Дибелович сам подошел к Юре, и они начали о чем-то спорить. Вернее, в первые секунды между ними, как мне показалось, происходил вполне нормальный разговор, но потом... Они явно стали спорить. Размахивали руками, напирали друг на друга. Особенно Дибелович. Впрочем, Юра тоже не слишком-то уступал своему оппоненту в агрессивности. – Угланов замолчал, наклонился вперед и подхватил со столика миниатюрную чашку кофе, которая утонула в его широкой пухлой ладони. Сыщики не торопили Степана Степановича с продолжением рассказа, молча наблюдая за тем, как он сделал три неторопливых маленьких глотка. После этого чашка вернулась на прежнее место, а сам Угланов расслабленно откинулся на спинку кресла. Облизал губы. Судя по всему, Угланов был одним из тех, кому подобные длинные эмоциональные монологи давались нелегко. – Короче, в итоге они чуть не подрались. Да что там подрались! Мне показалось, что Дибелович даже ткнул Юру дулом ружья в грудь. Тот сделал шаг назад, оступился и замахал руками, стараясь удержать равновесие. Я уже собирался было направиться к ним и выяснить, в чем дело, но Дибелович, продолжая целиться в Юру из ружья, сказал еще что-то, затем резко развернулся и ушел...

– А Дражайский?

– Он остался. – Угланов провел рукой по левой штанине, то ли разглаживая на ней образовавшиеся складки, то ли смахивая на пол микроскопические крошки упавшего табака. – Не знаю, насколько серьезным было намерение Дибеловича, когда он наставлял на Юру ружье, но скорее всего этот поступок стал чисто импульсивным. Хотя сам факт ссоры... Не знаю, может быть, вам пригодится...

– Нам пригодится все, – веско произнес Гуров, делая какие-то пометки шариковой ручкой в своем компактном блокноте. – Что связывало Дражайского и Дибеловича, кроме охоты?

– Понятия не имею. Наверное, ничего, – ответ Углanova прозвучал без излишней уверенности в голосе. – Из всей этой компании, кроме Юры, я более или менее знаком только с Глазбергом. Да и то, как знаком? Шапочно. Приходилось несколько раз бывать у него в «Нити Ариадны», а так... Я – не игрок и, как вы уже, наверное, поняли, толком не охотник.

– А Дражайский был игрок? – вновь подключился к разговору Крячко.

Угланов посмотрел в его сторону. Что-то такое неуловимо мелькнуло в его лице, чего не могли не заметить ни Гуров, ни Крячко. Словно тень пробежала по высокому покатоному лбу. Машинально Степан Степанович потянулся к лежащей на подлокотнике кресла пачке сигарет, но в последнюю секунду его рука зависла в воздухе, так и не достигнув намеченной цели.

– Ну, как вам сказать?... – замялся начальник автоколонны. – О покойниках ведь плохо не отзываются? Верно?

– В данном случае можно, – сказал Станислав.

Угланов с явной неохотой кивнул. Теперь его взгляд устремился куда-то под ноги.

– У Юры был такой грешок. Азартен. Не всегда, конечно, но случалось.

– Карты?

– Когда как. Были и карты, и рулетка, и кости. Если он принимал на грудь лишнего, мог переключить свое внимание даже на игровые автоматы. «Однорукий бандит», или как там это называется. Я не сильно в этом разбираюсь... – Угланов вдруг понизил голос до шепота, хотя сыщики были склонны подозревать, что вряд ли кто-нибудь из посторонних горел желанием подслушать их разговор. – Не так давно, будучи не совсем в трезвом состоянии, Юра признался мне, что он задолжал Глазбергу весьма нехилую сумму денег. Что-то около полумиллиона, кажется... Александр Романович выдал ему кредит в «Нити Ариадны», но, как выяснилось, Юра оказался в итоге неплатежеспособен. Во всяком случае, такой суммы у него в наличии не было. И не предвиделось.

Гуров мгновенно напрягся, на пару секунд прекратив делать коротенькие пометки в своем блокноте. Переглянулся с напарником. Крячко многозначительно покачал головой и вновь высморгался.

– Кредит Дражайского так и остался невыплаченным? – исключительно для проформы уточнил Гуров, хотя и так догадывался, каким будет ответ Углanova.

– Ну... Насколько мне опять же таки известно, пока нет... То есть теперь уже совсем нет, выходит, – Угланов выжал из себя печальную улыбку. – Глазберг дал ему какую-то отсрочку.

– Сколько?

Угланов пожал плечами.

– Об этом вам лучше спросить у самого Александра Романовича. Я в их дела не вникал. Да и саму историю с долгом, как я уже сказал, знаю со слов самого Дражайского.

– Ясно, – Гуров снова что-то пометил у себя в блокноте. – Что по поводу Митрофанова?

– Я его не знаю. На самой охоте нам тоже не удалось толком познакомиться. Как-то не успели. Мне известно только, что у него какой-то бизнес в Иркутске. Павел и в охоте-то особенного участия не принимал. Больше налегал на спиртное. Так же, как, впрочем, и Поперечный.

– О нем вы тоже не можете ничего сообщить?

– Лично я – нет, – Степан Степанович усмехнулся. – Но о нем и так немало написано в газетах. Откройте любую, и вот вам, пожалуйста, – Поперечный. Личности более скандальной найти, по-моему, невозможно.

– Ну что ж, – Гуров бегло бросил взгляд на свои наручные часы, захлопнул блокнот и поднялся с дивана. – Я думаю, что на этом мы пока с вами остановимся, Степан Степанович. Если вдруг вспомните что-нибудь еще – непременно звоните. Для нас будет не лишней любая новая информация. Один только последний вопрос.

– Да? Какой?

Угланов тоже покинул насиженное кресло, одернул на себе пиджак и привычно пригладил рукой реденькие волосы на лбу и макушке. Одновременно с ним поднялся на ноги и Крячко.

– Кто-нибудь из участников охоты в тот день пользовался незарегистрированным ружьем?

– Я не заметил... Или просто не могу вспомнить такого...

Гуров покачал головой. Затем сыщики пожали Угланову на прощание руку и покинули комнату для гостей. Степан Степанович проводил их через свой рабочий кабинет до выхода.

– Мне он не понравился, – заключил Крячко, когда они с Гуровым уже спускались по лестнице на первый этаж здания.

– Почему?

– Он ничего не сказал о собственных взаимоотношениях с покойным.

– А почему же ты его об этом не спросил?

– А ты?

– Не думаю, что нам это что-то дало бы, – ответил Гуров. На его лице обозначилось крайне задумчивое выражение. – Никто не станет откровенничать о самом себе. Об Угланове надо будет спросить у кого-нибудь другого, из тех, кто был на той охоте. Но с подозрений мы его, понятное дело, не снимаем. Рановато...

– Ну, и в какую сторону начнем двигаться? – Крячко остановился рядом с водительской дверцей своего старенького, уже дышащего на ладан «Мерседеса».

– Я мыслю так. – Гуров плюхнулся на пассажирское сиденье и тут же пристроил во рту сигарету. Крячко занял место за рулем. – Митрофанова и Поперечного временно можно исключить из числа подозреваемых. Временно, – подчеркнул полковник. – По разным причинам. И сосредоточить особое внимание на Глазберге и Дибеловиче.

– Ну и фамилии! – не удержался от очередного комментария Станислав, вырुливая с парковочной стоянки перед зданием транспортного управления. – Одна другой краше.

Гуров пропустил его замечание мимо ушей.

– Причем начать нам следует с Дибеловича.

– Почему с него?

– Он ближе к месту происшествия, куда наведаться нам тоже будет не лишним. И пообщаться с теми, кто первым допрашивал участников злополучной охоты. Я позвоню Пете и скажу ему, что мы сегодня же вечером вылетаем в Иркутск. – Полковник достал из кармана мобильный телефон.

– Я не могу, Лева, – неожиданно произнес Крячко.

– Чего ты не можешь?

– В Иркутск лететь не могу.

– Это еще почему?

– Там сейчас довольно прохладно. А у меня насморк, – Крячко демонстративно шмыгнул носом. – Давай поделимся, старик. Ты же сам сказал, что основных подозреваемых пока двое. Так чего нам ходить, как привязанным, и растрчивать драгоценное время. Ты займешься Дибеловичем, а я возьму на себя Глазберга. Связь по телефону. Договорились?

Гуров выбросил окурок в раскрытое окно автомобиля и набрал на мобильнике номер телефона Орлова.

Иркутск. ФГУП. Аэропорт. Иркутск

Из аэропорта Гуров, не теряя времени, на такси направился в таможенное управление. У здания аэровокзала, несмотря на ранний час, стояло более дюжины таксистов и довольно вежливо, но настойчиво предлагали свои услуги. Гуров заметил на себе внимательный взгляд одного из таких водителей, стоявшего особняком около белой «девятки» со светящимися «шашечками» на крыше. Тот, в свою очередь, приветливо приоткрыл переднюю дверь машины.

– Поедем? – спросил он, обращаясь к приближающемуся Гурову.

– Таможенное управление далеко? – кивнув, задал Гуров встречный вопрос.

– Доедем – не заметите, – ответил приветливый таксист, занимая свое место за рулем, довольный, что сумел завлечь клиента. – Москвич? – спросил он, выдержав небольшую паузу, уже после того, как автомобиль тронулся.

– Да, – безучастно ответил Гуров.

Полковник как-то незаметно для самого себя погрузился в мысли о предстоящей встрече.

– Я сразу понял. Вас за версту видать. А что к нам-то? – не замечая того, что собеседник не стремится включиться в разговор, настойчиво продолжал задавать вопросы таксист.

Гуров уже пожалел, что поддался на приглашение этого радушного хозяина белой «девятки».

– Да так, к другу поохотиться приехал. В иркутских лесах, – ответил он первое, что пришло ему в голову, даже не поворачивая головы в сторону собеседника.

– Да вы что? Серьезно?

Не придавая особого значения последней фразе, скорее сказанной для поддержания разговора, Гуров ничего не ответил. В разговоре повисла небольшая пауза. Но сказанного было достаточно, чтобы Гуров окончательно отвлекся от своих мыслей. Заинтригованный молчанием таксиста, полковник бросил в его сторону мимолетный взгляд. Водитель в упор смотрел на Гурова в течение нескольких секунд, насколько позволяла ему обстановка на дороге.

– Я ведь сам охотник, – произнес он с улыбкой.

– Да?

Теперь уже Гуров искренне порадовался тому, что у него появилась неожиданная возможность узнать подробности об интересующем его местечке в Иркутской области, Нижнеудинске, где, как правило, и предпочитало охотиться большинство местных аборигенов.

– Меня зовут Лев, – охотно поделился таксист. – Лев Николаевич. Почти Толстой. Я ведь сразу понял, как только увидел вас, что вот, мол, идет родственная душа... А вас как величать? А то у нас так не принято, без имени...

– Лев... – начал было Гуров, но собеседник тут же прервал его:

– Лев? Вот это совпадение!.. А где же вы охотитесь?

– Да в Нижнеудинск звали. Но я, признаться, там еще не был. А что вы скажете об этом местечке?

– Что тут сказать? Видать, друг у тебя крутой, – присвистнул таксист. – А я из простых сибиряков. Дед у меня настоящий сибирский охотник был. Вот уж он бы тебе рассказал про это местечко. Он-то всю область вдоль и поперек знал... А сейчас что? Сейчас из Иркутска в Нижнеудинск только наши нефтяники да банкиры едут. Ну ты представь! Полтыщи километров от Иркутска... Правда и то, что на кабана да на лося туда не едут... Там пушнина больше... Эх, жаль, что подъезжаем, – он раздосадованно взмахнул рукой.

Машина остановилась, и Гуров, расплачиваясь, протянул таксисту сумму, которую тот назвал. Он уже приготовился уходить, но его новый знакомый не унимался:

– Вы уж простите меня, что я так бесцеремонно на «ты»... Но вы меня прямо за живое задели. Восемь лет уже на охоте не был. Вот, возьмите мою визитку, если что понадобится, звоните.

Гуров машинально, не задумываясь, взял маленький картонный листочек и, попрощавшись, пошел к входу в управление. Ждать и просиживать штаны в предбанниках, как это порой случается, ему не пришлось. Иван Андреевич Дибелович оказался на месте.

– Можно к вам? – произнес Гуров скорее для проформы, проходя в открытую дверь кабинета.

Большой, грузный человек стоял спиной к двери рядом с массивной тумбой с включенным телевизором и что-то делал с переносной антенной, которую держал в руке.

– Проходите, коль не шутите, – гостеприимно, густым басом прозвучал голос обладателя кабинета.

Спокойная, размеренная манера движений, как, впрочем, и весь внешний вид этого человека выдавали его сибирские корни. При появлении незнакомого человека Дибелович не оторвался от своих занятий, а, напротив, как ни в чем не бывало продолжил манипуляции с предметом, который находился у него в руках.

– Чем обязан? Рано ведь еще, – сказал он.

– Моя фамилия Гуров. Лев Иванович. Я – старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД. Москва, – представил себя полковник, остановившись в нескольких шагах за спиной у Дибеловича.

– А-а!.. Вот в чем дело, – протяжно, но уже более собранно произнес Дибелович, откладывая в сторону телевизионную антенну и поворачиваясь к Гурову лицом. – Тады – милости просим.

Огромный сибирский увалень, Дибелович тяжело перемещался по комнате, при этом производя много шума, издаваемого скрипом паркетных досок пола и звоном хрустальных фужеров за стеклянными дверцами серванта. Он медленно переместился в другой конец комнаты и протиснулся в явно узковатое для его габаритов пространство между письменным столом и креслом. Он сел сам, но по какой-то причине не стал предлагать стул гостю. Вместо этого демонстративно достал из выдвижного ящика увесистую книгу, переложил ее в пакет, взятый с письменного стола, и получившийся сверток положил обратно на гладкую черную поверхность.

– Если я вас правильно понял, вы ко мне по поводу недавних трагических событий, связанных с гибелью Дражайского? – произнес Дибелович.

– Да, – Гуров кивнул. – Хотелось бы уточнить некоторые обстоятельства гибели Юрия Валентиновича. И я надеюсь, вы мне в этом поможете, Иван Андреевич.

– Ну, не знаю, смогу ли вам помочь, но на вопросы ваши отвечу максимально полно, – заверил полковника хозяин кабинета. – Боюсь только, что информация будет достаточно скудной.

Гуров почувствовал, что выбрал не совсем верный тон беседы.

– Мне кажется, что это не самое лучшее место для откровенных разговоров. Так? – Он кивнул в сторону распахнутой настежь двери кабинета. – Как вы посмотрите на то, чтобы переместиться куда-нибудь в ресторан или... У вас наверняка есть столовая. Там можно и поговорить. Признаться, я с дороги здорово проголодался.

– Если бы не было так рано, я бы пригласил вас к себе домой. Но сейчас... – Дибелович картинно раскинул в стороны свои большие лопатообразные ручки. – Начало дня, самый разгар работы. А у нас сейчас отчеты, балансы.

– Иван Андреевич, – Гуров решил слегка поднажать на собеседника. – Нам с вами в любом случае придется поговорить с глазу на глаз, и чем скорее это произойдет, тем лучше.

Если потребуется официальный запрос, мы сейчас его организуем. Один звонок в управление в Москву, и мои коллеги мигом пришлют нам необходимую депешу.

– Ну, зачем же вы так, Лев Иванович? Официально... Бумагу... – неспешно, в своей манере проговорил Дибелович. Он немного подумал, словно взвешивая все «за» и «против». – Есть предложение. Поедьте ко мне домой прямо сейчас. Я вам покажу свою коллекцию оружия. Уверен, что вы – тот, кто сможет оценить все ее достоинства... Поесть что-нибудь найдем, а заодно там и поговорим. Годится?

Гуров ответил согласием, тем более что долгий перелет и смена часового пояса требовали пополнения сил. Пища, которую подавали в самолете, не могла всерьез насытить даже ребенка, а спертый воздух помещений располагал к прогулке.

Дибелович позвонил по телефону и отдал распоряжение своему водителю, чтобы тот подъезжал к управлению и ждал у подъезда. Затем взял со стола целлофановый сверток и, выходя из кабинета, пригласил полковника за собой.

Иван Андреевич, как выяснилось, жил в центре города в двухэтажном здании, построенном, видимо, еще в начале века. Его квартира занимала два этажа особняка. В здании было также и два отдельных подъезда, из чего следовало, что дом делили две семьи. Первый подъезд вел в «берлогу» Дибеловича. Сама квартира была отделана по последнему слову моды, хотя от обилия дорогих вещей, составленных не всегда со вкусом, создавалось впечатление сумбурности. Дома никого не оказалось, и, гостеприимно приняв верхнюю одежду у гостя, хозяин пригласил полковника внутрь. Огромный просторный зал скорее всего представлял собой гостиную.

Гуров сел за стол и, придвинув к себе изящную мраморную пепельницу в форме оленя, закурил, не спросив на то разрешения Дибеловича.

– Сначала надо поесть, а остальное потом, – обратился Иван Андреевич к полковнику, осматривая содержимое холодильника. – Есть дичь. Глухарь с поджаренным шпиком и красная рыба в белом соусе. Что предпочтете? Лично я рекомендую дичь.

– В доме охотника, конечно, дичь, – ответил Гуров, наблюдая за тем, как огромная рука Дибеловича ловко протиснулась в недра холодильника и выудила оттуда большую утятницу.

Иван Андреевич тут же загрузил утятницу в духовой шкаф плиты. Затем, вернувшись к холодильнику, с такой же проворностью вынул оттуда баночки с какими-то приправами и соусами, две доверху наполненные салатницы и большой прозрачный графин с томатным соком.

– А все-таки, Иван Андреевич, – перевел разговор в деловое русло полковник. – Что же произошло в тот злополучный день между вами и Дражайским?

– Вы бы поели сначала, – возразил Дибелович, разворачиваясь к Гурову лицом, но по реакции гостя он уже понял, что оттягивать этот разговор бесполезно. – А что произошло? Что вы, собственно, имеете в виду под словом «произошло»?

– Мне известно, что в день убийства, а уж если быть совсем точным, незадолго до убийства между вами и убитым произошла ссора, – каждым словом Гуров будто вколачивал гвозди. – Расскажите, какие у вас были отношения с Дражайским и что послужило тогда причиной вашего столкновения?

– Боюсь, что ничего для вас интересного я рассказать не смогу. – Дибелович отвел взгляд, а затем вдруг неожиданно спросил: – Вы охотник, Лев Иванович?

– Признаться, нет. Никогда не охотился, – произнес в ответ Гуров.

– Тогда, наверное, вам будет трудно меня понять. Но я попробую объяснить. Вы знаете, что такое преждевременный выстрел, когда ты в тайге с ружьем охотишься на кабана?

– Не знаю, но могу предположить, что ничего хорошего это не сулит, – поддержал разговор полковник.

– Вот видите? – живо парировал Дибелович. – А теперь подумайте сами. Зверя третий день нет. Устали чертовски... Ну, а в тот самый день Дражайский и еще четверо наших стояли на номерах. Я был в загоне. Дражайский занял позицию на небольшом перешейке, узкой такой дороге между двумя лесами... – Иван Андреевич рассказывал с паузами, со вкусом, как травят охотничьи байки у костра. – Еще с вечера мы, как водится, оставили свежий след на дороге протекторами машины. На рассвете пешком прошли по следу. Зверь был... Дражайский стоял на дороге со стороны лежбища. Я пошел в загон. Моя Альма, лайка хаски, почти сразу вывела меня на зверя...

Дибелович снова прервался. Расставил на обеденном столе посуду и столовые приборы, вынул из духового шкафа глухаря, старательно разложил птицу по тарелкам, взял в руки вилку и нож, подавая пример гостю.

– Кушайте-кушайте, пожалуйста, Лев Иванович. Не ждите меня... Так вот. Я гнал кабана в течение часа, пока не понял, что зверь метрах в двухстах от меня. В тайге это довольно опасно – оказаться с кабаном на близком расстоянии. Стрелять зверя, как вы сами понимаете, в лесу нельзя. Ну, я и решил махнуть в сторону дороги. Получилось, что я вышел из леса где-то в трехстах метрах от Дражайского. Смотрю, а на расстоянии ста метров от него переминается кабан. – Дибелович отрезал солидный кусок дичины. Затем он потянулся за соусницей и обильно полил мясо источающей аппетитный аромат жидкостью. – Попробуйте, Лев Иванович. Это диетический соус с грибами и каперсами... Ну, а дальше произошло то, что может произойти с каждым неопытным охотником, только тайга таких ошибок не прощает. Хотя и Юруто неопытным назвать было нельзя, но... Черт возьми! Смотрю, зверь потихоньку движется в сторону Дражайского. Видимо, почуял что-то, но спокойно так идет. Тут я бросаю взгляд на Юру и вижу, что ружье его стоит в стороне. Сам он то ли спит, сучонок, то ли бамбук курит. Хрен его знает... В общем, ситуация дурацкая. До беспредела дурацкая. Сам-то я стрелять не могу. Человек впереди, зверь рядом с ним, да еще знаю, что где-то поблизости должен был стоять Угланов на номере. Бог его знает, куда он мог сместиться. Опасно. Но тут вижу, Юра очнулся. Думаю, только бы не засуетился. Но он действительно молодец... Тихо выждал, пока кабан подал чуть в сторону, и спокойно вынул ружье из снега. Если бы он еще догадался не выстрелить сразу, все было бы совсем хорошо. И он в безопасности, и зверя бы убил. Но Дражайский ждать не стал, он выпалил прямо куда пришлось... А! К черту!.. – Дибелович страдал отдышкой и к концу рассказа совсем задохнулся. – Никогда не стреляйте в зверя, когда он стоит в лоб. Мой вам совет. Дождитесь, пока он повернется к вам боком. Кстати, как вам глухарек?..

– Глухарь – что надо.

Гуров не стал торопить собеседника, а спокойно выждал, пока тот восстановит дыхание и продолжит рассказ сам. Ждать пришлось долго. Полковник даже успел насытиться. Дибелович увлекся трапезой и не спеша доедал свою порцию. Затем он вытер толстые влажные губы и бороду бумажным полотенцем.

– Я, пока все это происходило, немного приблизился к Дражайскому. Но подходить очень близко нельзя. Кабан тем временем разворачивается и идет прямо на Дражайского. Я про себя думаю: «Только не стреляй, только не стреляй!» А крикнуть ничего не могу. Нельзя злить подранка. И тут Дражайский, не перезаряжаясь, палит второй раз. Сука!.. Естественно, что? Не попадает. Но в этот раз ему повезло. Зверь разворачивается и рвет в сторону леса... Ну, тут все и случилось. Ссора, о которой вы упомянули, Лев Иванович. Я – человек вспыльчивый, подлетаю к Дражайскому и говорю ему по матери все, что думаю. Вы поймите, Лев Иванович, охота в тайге – дело опасное. Это раз. Во-вторых, дело азартное. Это два. Я перед охотой всегда провожу инструктаж. У нас так принято. В нашей компании. Тот, кто за главного, его слушаются безоговорочно. Это как в горах. Короче, за Дражайским дело не стало. Так, слово за слово, чуть до драки не дошло... Мы оба вспыхнули. Он от испуга, я от справедливого гнева... Кончилось тем, что Дражайский меня послал. А время-то терять нельзя. Я развернулся к лесу

и пошел по следу искать раненого кабана. И ему предложил. Только он не пошел. Что было потом, я не знаю. Я оставил его на дороге возиться с ружьем. Больше мы не виделись. Вот, – заключил Дибелович.

Весь рассказ вместе с трапезой растянулся на тридцать минут. Однако Гуров не торопился с вопросами и не собирался вставать из-за стола. Дибелович сам прервал молчание.

– Это все, Лев Иванович. А мне, если честно, не терпится показать вам мои «трофейные образцы», как я их называю. Это моя гордость. Трофеи и оружие. Давайте поднимемся на второй этаж, а потом я сварю кофе.

– Хорошо, – согласился полковник.

Мужчины поднялись наверх, в «комнату охотника». В помещение вела металлическая дверь со сложной системой запоров и коробом. Дибелович после длительных манипуляций с замком открыл дверь, впуская перед собой в комнату гостя. Вдоль стенки, противоположной от входной двери, стояли пять массивных сейфов. Дибелович подошел к одному из них.

– По периметру я хочу поставить несколько стеклянных столов по типу этого, – сказал Иван Андреевич, указывая в угол комнаты, где действительно стоял маленький столик с высокой столешницей-ящиком, закрытый прозрачной стеклянной крышкой.

Гуров подошел поближе к столику. Под стеклом находился старинный дорожный гарнитур с парой кремневых пистолетов.

– Откройте крышку, если вам интересно, – посоветовал хозяин коллекции полковнику, доставая из кармана брюк связку плоских ключей. – Здесь все можно трогать руками. И почти все оружие в рабочем состоянии.

Гуров последовал совету Дибеловича и взял в руки один из пистолетов.

– Это гвоздь коллекции. Восемнадцатый век. Один из первых кремневых образцов, следующий этап в развитии огнестрельного оружия после колесцовых ружей и пистолетов. Для этого гарнитура я привез специальный сейф, – похвастался Иван Андреевич. – Видите, замок пистолета содержит собачку и боек. На этом образце уже есть специальный предохранитель, благодаря чему можно надолго оставлять оружие в заряженном состоянии. Перед стрельбой вы взводите пружину и снимаете спусковой крючок с предохранителя. Жаль только, пистолеты не стреляют...

Гуров повертел в руках старинный образец, попробовал прицелиться. Дибелович тем временем отпер дверь одного из сейфов. В углублении сейфа можно было разглядеть пять-шесть стволов.

– Вот, – сказал он, вынимая из сейфа какое-то ружье. – Это моя гордость. Литтихский штуцер образца 1843 года. Бельгийский образец. Выпускался на фабрике Малгерба. Этим штуцером вооружались снайперы русских стрелковых батальонов и орлеанские стрелки во Франции. Насечки прицела указывают на количество шагов до цели. В общем, очень любопытный образец. Оцените.

Дибелович протянул Гурову штуцер.

– В этом сейфе у меня револьверы и пистолеты, – он переместился к соседнему сейфу. – Здесь есть любопытный револьвер. «Ротазин» образца 1872 года. Итальянский. Выпускался фирмой Глисенти. Уникальное оружие. Он достаточно легкий для девятнадцатого века. Прослужил вплоть до Второй мировой войны.

– А где оружие, с которым вы охотитесь? – спросил Гуров, рассматривая образец.

– Я – консерватор, – Дибелович усмехнулся. – Много лет охочусь с «Ижом». Оружие для охоты храню в подвале. В этой комнате только «трофеи». Я скупаю их из частных рук и на аукционах.

– А где вы останавливаетесь во время охоты в Нижнеудинске? – спросил полковник, когда Дибелович открыл последний сейф.

– На охотничьей базе... Да что я вам рассказываю? Лучше один раз увидеть. У вас нет желания составить мне компанию? Я как раз завтра собирался поехать поохотиться в Нижнеудинск.

– Интересное предложение, – Гуров поднял взгляд. – Но я, как видите, с самолета, и...

– Это мелочи, – небрежно отмахнулся Иван Андреевич. – У меня есть все, что необходимо. Я вас экипирую. Оружие тоже в наличии. А до завтра переночуете у меня. Я один. Места достаточно. Поехали.

– Ну, хорошо, – ответил полковник, принимая спонтанное предложение начальника отдела таможенного управления.

Москва. Казино «Нить Ариадны»

Потрескивая выхлопной трубой, старенький «Мерседес» беззастенчиво вклинился на парковочной стоянке перед казино между мощными габаритными джипами и блестящими спортивными автомобилями. Охранник удивленно оторвал трубку сотового телефона от уха и внимательно наблюдал за тем, как из допотопной иномарки выбирается мужчина средних лет, облаченный в джинсы и твидовый пиджак. В глазах местного блюстителя порядка отразилось неприкрытое беспокойство. Подобная публика была нетипична для столь дорогого и респектабельного казино столицы, коим являлась «Нить Ариадны». За те полтора года, что парень проработал здесь, ему еще не приходилось видеть клиента такого сорта. Собеседник продолжал что-то говорить по телефону, но охранник уже не слушал его. Крячко приветливо помахал пареньку рукой, подбросил на ладони связку ключей и бодро зашагал к крыльцу.

«Нить Ариадны», согласно задумке хозяина, не являлась молодежным клубом, каких было понатыкано по Москве тысячи, а потому вошедший внутрь полковник не наткнулся здесь ни на дергающихся в безумных танцах наркоманов, ни на быющую по барабанным перепонкам музыку сомнительного происхождения. Казино Глазберга было заведением иного порядка. Тусклый обволакивающий свет, успокаивающие зеленые тона, мужчины в строгих костюмах и дамы в вечерних платьях, толпившихся либо у столов с рулетками, либо рядом с местами для игры в блек-джек. Чуть дальше просматривался проход в следующий зал, где собирались преимущественно любители покера. По бокам – игральные автоматы, но уже по первому взгляду Станислав смог понять, что спрос на них значительно ниже, чем на все остальное. Слева за спиной еще одного молодого охранника просматривался украшенный сине-зеленой иллюминацией арочный проем в бар. Льющаяся из расположенных где-то под потолком динамиков тихая музыка едва различалась на слух.

Крячко остановился перед высоким зеркалом, расстегнул пиджак, поправил под воротом рубашки тугой узел галстука и, пригладив волосы двумя руками, двинулся между столов. У третьей по счету рулетки народу было чуть меньше, чем возле остальных столов, и Станислав занял позицию в трех-четыре шагах от крупье. Пристроил во рту сигарету и стал ненавязчиво разглядывать публику.

– Двадцать семь, черное, – бесцветным голосом объявил крупье, мужчина лет сорока с двумя острыми, как волнорезы, залысинами.

Фишки сдвинулись по столу, кто-то из толпы негромко посетовал на преследующее его весь вечер невезение, и игроки тут же принялись делать новые ставки. Причем, как отметил полковник, на цвет или «чет—нечет» ставило меньшинство. В основном все стремились облюбовать какое-то определенное число. В самом худшем варианте «одно из четырех». Рискованно! Да и судя по номиналу фишек, ставки были немалые.

Крупье раскрутил «колесо».

– Ставок больше нет, – проинформировал он.

Крячко повернул голову. Ему показалось, что у каждого из рулеточных столов – абсолютно одинаковые люди. Что называется, на одно лицо. Без какой-либо харизмы или еще чего-нибудь в этом роде. Маски. Пустые бездушные маски. Полковник скользнул рукой за отворот пиджака и нащупал собственный бумажник. Чтобы не выделяться, ему необходимо купить фишки. Хотя бы немного. Для приличия. Он не сомневался в том, что наверняка уже попал в поле зрения местной службы безопасности. Его или изучали посредством скрытых наблюдательных камер, или... Скучающий взгляд Станислава споткнулся на одном человеке.

Светловолосый мужчина с изрядно побитым оспой лицом и отливающими в рыжину висячими усами стоял возле одного из столов для игры в блек-джек и с выбранной им позиции старался держать в поле зрения не только играющих в основном зале и входивших и выходив-

ших из бара, но и тех, кто расположился в «покерном» помещении. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы определить причастность этого человека к службе безопасности казино. На блондине был строгий черный костюм, белоснежная рубашка и бабочка. На ногах красовались стильные лакированные туфли с зауженными носами. В правой руке он держал серебристый складной телефон. Взгляды блондина и Крячко на пару секунд встретились, но Стас первым отвел глаза и решительно зашагал к кабинке для размена фишек. В голове у полковника имелся черновой план, составленный на базе тех сведений, которые ему удалось почерпнуть из личного дела Александра Глазберга.

– Двадцать по двадцать, – сказал он в окошечко.

– И все? – Парень, не глядя, принял у полковника деньги.

– Пока все.

Направляясь обратно к рулетке, Крячко почти физически ощущал на своей спине заинтересованный взгляд блондина. Именно это ему и было нужно. Он вновь занял место рядом с крупье, и, когда пришло время для очередных ставок, Крячко бросил три фишки на красное поле. Большая часть играющих удивленно покосились в его сторону. Стас обезоруживающе улыбнулся им в ответ. «Колесо» завертелось. Шарик стремительно запрыгал из одной ячейки в другую, пока не выбрал для себя наиболее подходящую.

– Сорок четыре, черное, – сказал крупье.

Фишки Крячко, подталкиваемые специальной лопаткой, уползли в противоположном направлении. Недолго думая, он бросил еще пять фишек на стол. Но теперь уже на черное поле. Снова косые взгляды в его сторону, и снова ответная улыбка. Боковым зрением Крячко заметил, что блондин стал понемногу смещаться в его сторону. Ненавязчиво, но вполне целеустремленно.

– Двенадцать, черное, – все так же безлико сообщил крупье после того, как «колесо» остановилось.

Вместо пяти поставленных фишек Крячко получил десять. Он развязно похлопал крупье по плечу и громко произнес:

– Вот-вот, братан, так держать. Пусть мне зафартит сегодня. Удваиваю.

Щедрым широким жестом он бросил все десять фишек куда-то в центр поля, даже не задумываясь над тем, на какое число они угодят. В руках у Станислава осталось две. Он почесал в затылке и еще до того момента, как крупье объявил об окончании ставок, успел пристроить их на ближайшее к себе поле с пометкой «нечет». Полковник заметил, как еще при том самом панибратском хлопке крупье бросил взгляд на блондина в черном. Последний сделал еще несколько шагов и, когда рулетка остановилась, он уже был за спиной Станислава.

– Шестнадцать, красное.

– Черт! – Крячко хлопнул ладонью по краю стола, а затем вновь полез рукой во внутренний карман пиджака. – Мне надо еще фишек. Слышь, братан! А сразу бабло я могу поставить?

Крупье не ответил, зато на правое плечо Станислава тяжело опустилась рука блондина с рыжеватыми усами. Крячко резко повернул голову.

– В чем дело?

– Прошу прощения, – представитель службы безопасности говорил мягко, но уверенно. Глаза его при этом прицельно смотрели в переносицу собеседнику. Известный психологический прием. – У нас в заведении не принято вести себя подобным образом.

– Да ты кто такой? – Крячко насупился, а его пальцы машинально сжались в кулаки.

– Петр Нечайкин. Начальник службы безопасности «Нити Ариадны». И я искренне не советую вам разговаривать со мной в подобном тоне. И главное...

Полковник не дал ему договорить.

– Ты начальник СБ? – живо переспросил он. – Вот пруха-то!

– В каком смысле? – не понял Нечайкин.

– Мне с тобой потреть как раз в цвет будет. Вообще-то я надеялся перетереть тему лично с Глазбергом, но ты тоже сгодишься. Пойдем в бар, пропустим по одной. А, братела?

Нечайкин откровенно растерялся. Разговор с нахальным визитером принял весьма неожиданный поворот. Он автоматически снял руку с плеча Станислава и обвел взглядом лица других игроков, прекративших в этот момент делать ставки и заинтересованно взиравших на происходящее.

– Вы знакомы с Александром Романовичем? – спросил он.

– Пока нет. Но ужасно мечтаю познакомиться, – в широкой улыбке Крячко демонстрировал едва ли не все свои зубы. – Так как насчет ста граммук, брат? Бар у вас тут приличный?

Колебания Нечайкина длились не более пяти секунд.

– Пойдемте, – сказал он, развернулся и зашагал в направлении бара, заложив правую руку в боковой карман пиджака.

Крячко последовал за ним и, оказавшись в освещенном сине-зелеными бегающими огоньками помещении, первым взобрался на высокий кожаный табурет с полукруглой металлической подпоркой. Щелкнул пальцами, привлекая внимание бармена. Нечайкин занял место рядом. Слегка скашивая в правую сторону глаза, он продолжал изучать Станислава.

– Пива, – сказал полковник приблизившемуся бармену, лениво выкладывая на стойку мобильный телефон, сигареты и зажигалку. – самого лучшего, какое есть, и желательно похолоднее. А тебе? – Он повернулся лицом к Нечайкину.

– Спасибо, ничего, – начальник службы безопасности обменялся с барменом многозначительными взглядами и почти тут же добавил: – Впрочем, дай мне стакан ананасового сока, Володь.

– Трезвенник? – Крячко закурил. – Или язвенник?

– О чем вы хотели поговорить? – Нечайкин недовольно сдвинул брови к переносице. – И зачем вам нужен Александр Романович?

– Ах да! – полностью войдя в спланированный им образ, Крячко набирал обороты. Стиснув фильтр сигареты зубами, он пыхнул дымом прямо в лицо собеседнику. – Мне нужна работа.

– Прошу прощения?.. – Нечайкину показалось, что он ослышался.

– Чего ты дуру включаешь, братан? Прощения он какого-то просит. Я же тебе популярным русским языком сказал, что ищу работу.

– У нас? Здесь?

– Ну, а почему бы нет? Дело, собственно, вот в чем. – Крячко так стремительно подался вперед, приблизив свое лицо к лицу Нечайкина, что последнему невольно пришлось отпрянуть. – Я в Москве только с сегодняшнего утра. А еще два дня назад я парился у «хозяина» на Урале. Скинул «бушлат», отмотав свои законные восемь годков, и – на вольные хлеба. А куда сейчас подашься? На «гоп-стоп» или «скок»? Так это верный путь обратно на нары. Сейчас же все по уму делать надо. Верно? Без крыши ты – никто. Так, типа, один на льдине. В родной Хабаровск мне дорога заказана... Ну, вот я и вспомнил, как один мой кореш по камере, сам родом из Москвы, трекал, что с моей комплекцией и навыками в «рукопашке» надо канать в вышибалы. В любой ночной клуб, говорит, или в казино. И я подумал, казино – это, вообще, в жилу. И работа, и картишки с рулеткой под рукой. Если что, можно бабосов по-легкому приподнять. У вас же тут казино? Да?

Полковник картинно обвел рукой вокруг себя, а завершил этот широкий жест тем, что вынул изо рта сигарету, предварительно глубоко затянувшись ею, и пустил в лицо Нечайкину новую густую струю дыма. Вроде как не специально, а в порыве собственного увлекательного монолога. Подошел бармен и поставил перед мужчинами два бокала. Один, узкий, с ананасовым соком, перед Нечайкиным, а другой, с широкой пузатой горловиной, наполненный тем-

ным пенящимся пивом, перед Крячко. Станислав живо подхватил свой бокал, жадно отпил из него почти половину, со стуком вернул обратно на стойку и удовлетворенно крякнул.

– Ничего. Козырно, – он оттер пену с губ тыльной стороной ладони.

Нечайкин разогнал рукой повисший в воздухе табачный дым и даже не глянул в сторону заказанного им напитка.

– Да, у нас казино, – сдержанно произнес он, едва размыкая губы и продолжая буравить Крячко глазами. – Но почему именно к нам? С чего вы взяли, что вам тут дадут работу?

– Так это еще не вся история, брат, – уже отработанным ранее жестом Крячко похлопал собеседника по плечу. – Ты хлебай свое пойло и слушай. Я сунулся к одному местному корешку, затем к другому, и они оба в один голос порекомендовали мне обратиться в «Нить Ариадны». К этому вашему Глазбергу. Дескать, Глазберг – мужик путевый, свой в доску, платит отлично, и, главное, крыша-то какая. С его-то связями. И потом, как мне тактично, типа, намекнули, Глазбергу нужны не только вышибалы, но и реальные пацаны, способные тряхнуть зарвавшихся должников. Крыс запомоенных.

– Что это за люди? – Нечайкин нахмурился еще больше.

– Какие люди?

– Те, что рекомендовали вам Александра Романовича.

– Я же тебе говорю, корешки мои, – Крячко недовольно поморщился.

– Фамилии у них есть?

– Фамилий не знаю, – полковник опять взял в руки бокал с пивом и сделал еще более внушительный глоток, чем в первый раз. Продемонстрировал наблюдавшему за ним со стороны бармену поднятый вверх большой палец. – Только кликухи. Но, я думаю, ты должен быть в курсе. Мои кенты – весьма уважаемые в столичных кругах люди. Артем Сиплый и Ключ. Вот у него вроде и фамилия такая должна быть. То ли Ключков, то ли Ключулин. Ну, что-нибудь в этом роде, короче.

Крячко не опасался за крах своей легенды. Наоборот, на нее-то он и рассчитывал. Артем Сиплый, известный в мире как Артем Осипенко, и Ключ, Виктор Ключин, состояли в тайной агентуре угро, оставаясь при этом авторитетными личностями среди столичных уголовников. Отправляясь в «Нить Ариадны», полковник успел созвониться и с тем, и с другим. Он знал, что Осипенко с Ключиным легко подтвердят его слова, если Нечайкин или сам Глазберг надумают выяснять подноготную этой байки. Те же информаторы поведали Станиславу, что Глазберг действительно не гнушается сотрудничества с уголовниками, используя их как торпед в своих разборках с должниками. По большей части основная масса штата охраны у него и состояла из ранее судимого контингента. А как сказал Крячко Артем Сиплый, с должниками Александр Романович долго не церемонился. Это только подтверждало версию сыщика о том, что Дражайский мог пасть жертвой собственной неплатежеспособности.

Нечайкин, наконец, отвел глаза в сторону и сфокусировал взгляд на бокале с ананасовым соком. Полковник догадывался, что в эту самую минуту начальник службы безопасности казино размышляет. Люди ему были нужны, но Крячко понимал и то, что без согласования с Глазбергом Нечайкин не в силах принять подобное решение. Об этом также имелась соответствующая пометка в досье. Что ж, Станислав никуда и не торопился. Пусть себе думают. Главное, наживка заброшена, а в остальном... Машина должна сработать в инерционном режиме... Нечайкин сделал глоток сока. Облизал губы. Полковник к этому времени докурил сигарету и смял ее в пепельнице. Залпом осушил бокал с пивом до дна. Подумал, не подать ли ему новый знак бармену, но уже через секунду отказался от такого варианта. Накачиваться спиртным ему сейчас вовсе ни к чему.

– Не могу сказать сейчас ничего определенного, – Нечайкин разгладил пальцами свои рыжеватые усы. – Но... С вами как-то можно связаться?

– У меня есть мобильник. Ключ презентовал. Поздравил, так сказать, с окончанием отсидки, – Крячко захохотал.

– Хорошо. Оставьте мне ваш номер, и в случае необходимости я с вами свяжусь.

– О'кей. Только не тяните кота за яйца, лады? Мне тусоваться в Москве без дела тоже понта нет. Рвану куда-нибудь дальше.

– Я дам вам знать в течение суток.

– Годится. А можно, я еще на рулетке сыграю?

Нечайкин удивленно вскинул брови.

– Да, ради бога...

– Тут есть одна проблема, – Крячко потер пятерней шею за воротом рубашки и уже с неприкрытым вызовом взглянул в лицо собеседнику. – Бабок у меня не ахти. Не разжился еще, типа. Может, ты мне займешь немного, брат... В счет будущих заработков. Отдам, я же не крыса какая-нибудь...

Иркутская область. Нижнеудинск. Лесной массив

Густые туманы, окутавшие тайгу, сохранялись уже более недели. По автодороге М-53, ведущей из Иркутска в город Нижнеудинск, на большой скорости мчался внедорожник начальника таможенной службы города Ивана Андреевича Дибеловича. В автомобиле, кроме него и Гурова, находились еще двое охотников, по словам Дибеловича, лучших кабанятников иркутских лесов. По дороге Гуров расспросил обо всех особенностях охоты на кабана. Преодолев более пяти сотен километров, к одиннадцати часам утра автомобиль достиг охотничьего зимовья у подножия отрога Восточного Саяна.

Дорога огибала огромный двухэтажный бревенчатый сруб. От парадного крыльца она наискосок уходила обратно в тайгу. Сруб был обнесен невысоким, скорее декоративным забором, сбитым из бревен, переплетенных между собой прутьями. Территория двора была разбита слегка извилистыми дорожками на правильные четырехугольники. Наискосок от ступенек крыльца перед домом размещался деревянный стол со скамейками. По-видимому, в этом месте разбивалась летняя кухня. Во всем чувствовалась умелая, заботливая хозяйская рука.

Гуров первым вышел из автомобиля. Свежий, сыроватый таежный воздух мгновенно растворил тяжесть длительного переезда. Смены климатического пояса и усталости от постоянных переездов практически не ощущалось. Обжигающий чистотой лесной воздух до отказа заполнял легкие, создавая ощущение легкого головокружения. Гуров почувствовал себя вполне отдохнувшим.

Двое спутников, прихватив с собой из багажника массивные сумки, сразу направились в дом по дорожке, сложенной из крупных плит природного камня, ведущей к парадному крыльцу охотничьего угодья. Последним из автомобиля вышел Дибелович. Проходя мимо дверцы водителя, он задержался. Поставив на землю длинный ящик, который вместе с другими сумками извлек из багажника, стукнул указательным пальцем в тонированное стекло автомобиля. Стекло плавно приспустилось. Опершись по-хозяйски на дверцу машины, он навис над ней всем своим огромным корпусом.

– Коль, в общем, будь на связи. Я постараюсь тебя не дергать, но, если что, ты уж не обессуди, приедешь. Да, вот тебе мой дисконт. Возьмешь все на мое имя. Просто скажи, что я, мол, от Дибеловича. Они сами тебе отгрузят. И отдохни как следует. Все. Пока. Да, и еще, – добавил он, подняв ящик и направляясь к дому, – если встретишь наших по дороге, скажи, чтоб не ставили машину в гараж. Пусть сразу же позвонят мне и приедут. Возможно, меня уже не будет дома.

– Хорошо, Иван Андреевич. Все сделаем в лучшем виде. Удачной охоты! – ответил голос из автомобиля.

Дождавшись, пока Дибелович с Гуровым скроются в дверях дома, водитель укатил прочь.

Дибелович вошел в дом первым, свалив сумки и ящик в углу около входной двери. Затем он пригласил Гурова пройти, а сам направился к камину, в котором тлело несколько головешек. В доме охотников гостей уже ждал дед Антоныч. Когда Гуров и Дибелович вошли в помещение, старик сидел на лавочке около длинного обеденного стола. На коленях у него лежала винтовка с пластиковым прикладом. На столе были аккуратно разложены приспособления для чистки оружия и глушитель, скорее всего от той самой винтовки, чисткой которой и занимался в настоящий момент Антоныч. По оптическому прицелу Гуров без труда узнал в ней снайперский комплекс «ВСК-94». Спутник Гурова и Дибеловича, Илья, стоял рядом и крутил в руках охотничье ружье «бенелли», прилаживая к нему один из сменных стволов, валявшихся здесь же на столе.

Антоныч, увидев незнакомца, входящего в дом вслед за Дибеловичем, засуетился, привстал, затем снял с колен винтовку и положил ее на стол рядом со сменными стволами ружья.

– Антоныч, а ну-ка бросай свои занятия, пойдй собери Илью. Я хочу, чтобы он пошел раньше нас. Дай ему мешок с брезентовой засидкой и собери поесть что-нибудь.

Дед тут же послушно сорвался с места, побежал куда-то из гостиной по узкому коридорчику. Вернувшись в гостиную, он направился напрямик к Илье, который продолжал налаживать ружье. В руках у старика была большая сумка цвета хаки в виде рюкзака.

Гуров все это время рассматривал трофейные головы животных, развешанные по стенам, краем глаза наблюдая за происходящим в гостиной.

– Вы как, надолго приехали, Иван Андреевич? Куда гостя селить будем? – спросил дед, вручив Илье рюкзак и направляясь к холодильнику. – Машину-то отпустили. Должно быть, надолго.

– Да как получится, Антоныч. Может, завтра и уедем. После обеда выхожу на кабана. В ночь. А ты, чем спрашивать, взял бы да и провел гостя по дому. Покажи ему все комнаты. Пусть Лев Иванович выберет себе, какую захочет.

– Это мы сей час. Это мы быстренько.

В движениях Антоныча, который аккуратно складывал в бумажный пакет из холодильника свертки с продуктами, чувствовалась приобретенная за годы службы сноровка. Завершив сборы, он передал Илье сверток с едой и подошел к лестнице, ведущей на второй этаж, не решаясь обратиться к гостю и позвать его на обещанную хозяином экскурсию. Полковник не заставил себя ждать, а тронулся вслед за стариком.

Когда полковник, осмотрев дом, вернулся вниз, он застал там одного Дибеловича. Тот занимался сервированием обеденного стола, на котором уже не было оружия. Почти одновременно с Гуровым в комнату вошел второй компаньон Дибеловича, который вместе с Ильей сопровождал сибиряка и московского полковника в пути до охотничьего зимовья.

– Ну что... Предлагаю пообедать и – на охоту, – привычным басом прогудел начальник таможенной службы. – Я отправил Илью первым. Пусть наладит в «Чертовой дыре» засидку. А через час – вы с Сергеем, – Дибелович кивнул на подсевшего к столу второго охотника. – Выйдете дорогой по направлению к «Чертовой дыре». Палатку понесете вы, спальники возьму я. Питание каждый берет для себя сам. Я выйду с вами, но пойду лесом в загон. Лесом дорога короче, но идти труднее, поэтому у «Дыры» мы можем оказаться почти одновременно. К сумеркам должны добраться. Лучшее время для охоты на кабана на засидке – это вечерние сумерки. До наступления темноты. Сережа покажет вам наши места, Лев Иванович, и скажет, где встать на номер. Слушайте его. Он знает округу, знает, как я охочусь, где обычно ставлю на номера. Если вам нужно, покажет, и где охотился Дражайский в тот день, перед тем как... Ну, в общем, незадолго до своей гибели.

– Спасибо, Иван Андреевич, – ответил полковник, но тут же развел руками. – Есть только один момент. Я не вооружен.

Гуров почти не преувеличивал, так как при себе у него был только малогабаритный самозарядный «ОЦ-21», который вряд ли мог быть сколько-нибудь полезен в условиях тайги.

– Это не проблема. Я же сказал вам. Антоныч сейчас быстренько приготовит вам мой «беркут». Ну, а стрельбе мне вас учить не нужно. Как и куда можно стрелять, вы лучше меня знаете. И еще... Я вам тут приготовил непромокаемый охотничий костюмчик из мембранной ткани. – Дибелович вынул из большой сумки сверток и передал его Гурову. – Переоденьтесь. А то вы замерзнете в вашей одежде. А сейчас обед.

Полковник поблагодарил заботливого и гостеприимного хозяина и только после этого охотно подсел к столу.

Через час Гуров в сопровождении одного из охотников, Сергея, шел по узкой дороге, проложенной через густой лиственный лес, по направлению к «Чертовой дыре». Туман к обеду немного рассеялся, и через сплошную стену леса кое-где на земле рваными перьями проглядывали лучи заходящего солнца. Через час спутники дошли до развилки, где расходились дорога,

ведущая от охотничьего домика в сторону города, и колея, ведущая в глубь тайги. От развилки тропа была сплошь покрыта жидким месивом. По-видимому, здесь давно не было машин, так как ровные края колеи были полностью затянуты пленкой воды. Следы от протекторов нигде не встречались.

Первое время Гуров пораспрашивал своего проводника о здешних местах, но собеседник не проявлял активности, поэтому Гуров вскоре оставил попытки разговаривать. Сергей и пошел молча, следуя за ним по пятам в десяти-пятнадцати метрах. Из-за слякоти шли не по дороге, а лесом, выбирая места, где не было кустарника и низких веток, чтобы легче передвигаться с довольно объемной поклажей за плечами.

Через два с половиной часа они добрались до небольшой опушки, с трех сторон окруженной лесом. Здесь дорога заканчивалась.

– Дальше придется идти через глухой лес. Ориентироваться будем только по приборам. И по памяти, – сурово бросил спутник Гурова и снова умолк.

Они прошли через опушку. На границе с лесом полковник заметил невысокую сосну, ствол которой был уродливо искривлен, а к дереву кто-то прибил деревянную скрадку. Доски лестницы рассохлись, но скрадка была сделана на совесть и вполне годилась для охоты в качестве засидки. По пути проводник Гурова то и дело доставал из кармана навигационный прибор, который периодически издавал тихое пиликанье.

К «Чертовой дыре» охотники добрались, как и предполагал Дибелович, когда начало смеркаться. Причем сумерки уже настолько сгустились, что едва можно было различить предметы на расстоянии тридцати-сорока метров. Побродив вдоль первой полосы деревьев, проводник Гурова выбрал место. Сергей помог установить сыщику палатку, которую расположил на окраине леса.

– Теперь я вас оставляю, – сказал он хриловатым голосом и бросил пристальный взгляд куда-то вдаль. – Обычно метрах в пятидесяти от того места, где мы разместили палатку, ставят одного человека на номер. Далеко от леса не отходите. Лучше всего вообще останьтесь около палатки, пользуясь ею как засидкой. Только не входите внутрь. Палаткой можно будет воспользоваться, когда рядом будет кто-то еще. Один человек всегда следит за костром и поддерживает огонь. Другой отдыхает... Я же пойду искать Илью, – добавил он после паузы. – Странно, что он до сих пор не появился. Мне придется пройти метров триста вдоль леса, ну а вам – какое-то время побыть одному.

Сергей еще раз показал Гурову, где нужно встать, чтобы занять наиболее выгодную позицию, и скрылся в темноте. Полковник проводил охотника долгим взглядом настолько, насколько это оказалось возможно. Затем вернулся к палатке, достал из сумки пояс с патронтажем, расчехлил ружье и отправился к тому месту, где согласно полученным ранее показаниям был убит Дражайский.

С наступлением темноты в лес спустилась давящая тишина и леденящий холод. Гуров вспомнил, что в мешке с одеждой, который ему дал Дибелович в охотничьем зимовье, оставались еще какие-то вещи, вернулся назад и вошел в палатку. Одевшись потеплее и постояв немного рядом с входом, он решил проверить, заряжено ли ружье. В этот момент полковник и услышал в кустах какой-то шорох. Он быстро вернул ружье в прежнее состояние, так и не успев проверить исправность систем и механизмов. Застыл и прислушался. Слышно было только, как скрипит крепление кожаного ремешка в местах, где оно присоединяется к антабкам.

Гуров окликнул по имени Илью, затем Сергея, но ответа не последовало. Шорох не повторялся, но полковник слишком отчетливо слышал его в первый раз, поэтому решил пока остаться на месте, прислушиваясь к тишине. Ему пришлось простоять так несколько минут, прежде чем точно такой же отчетливый на слух шорох в кустах повторился. Гуров вскинул ружье и потихоньку, практически не производя никаких звуков, направился в сторону леса.

Буквально в нескольких метрах затряслись кусты, и Гуров снова услышал шелест веток кустарника. Это не мог быть зверь. Полковник бесшумно приблизился на несколько метров к тому месту, откуда был слышен подозрительный шорох, и снова прислушался. Лес ответил ему тихим шепотом, доносившимся с верхушек колышемых ветром высоченных елей и лиственниц. Ветер задул порывами. Гурову показалось, звуки переместились куда-то в глубину леса. Вспомнив о том, что его шапочка, найденная в мешке с охотничьим обмундированием, белого цвета, полковник немедленно сорвал ее с головы и аккуратно повесил между двумя сучками дерева на высоте человеческого роста. Флюоресцирующий белый цвет был четко виден на фоне темного ствола лиственницы. Полковник совершенно отчетливо услышал, как в нескольких метрах от него, в глубине леса щелкнул затвор оружия. Он мгновенно вспомнил, что такой же характерный звук издавали первые модели испытуемого на Тульском оружейном заводе снайперского «ВСК-94». Полковник был хорошо знаком с подобной модификацией оружия, переключение флажка переводчика-предохранителя которого давало именно такой щелчок. Гуров присел, пригнувшись к земле, и почти бесшумно отполз за дерево. Из-за ствола ели в кустах можжевельника он увидел алый глазок прицела, направленный в его сторону. Сомнения в том, что рядом велась охота, не оставалось. И, судя по всему, охотились уже на него. Или...

Расстояние до кустов было не более десяти метров. На небе показалась луна. Тучи, уносимые ветром, то и дело оставляли прогал для яркого света, который, доходя до земли, несколькими лучиками проникал в глубь тайги.

Опершись о ствол дерева, Гуров аккуратно отложил ружье в сторону и вытащил черный воротник свитера на всю длину. Натянув его до уровня глаз, он так же аккуратно, стараясь не производить никаких звуков хрустящей тканью куртки, освободил правую руку и пролез ею во внутренний карман жилета с патронтажным поясом. За одним из ремешков жилета был заткнут его личный «штейр». Зажав пистолет под мышкой, Гуров постарался бесшумно взвести оружие, как в ту же секунду услышал вполне характерный свист, а следом за ним и звук ударившейся о дерево и поглощенной толстым стволом пули. Последние сомнения улетучились. Полковник понял, что место охоты, на которую так любезно пригласили его, было найдено заранее и тщательно выбиралось. Лес на пяточке, где находился Гуров, был достаточно редок. А следовательно, и прицелиться в этих условиях из снайперского оружия с оптическим прицелом не представляло особого труда. Гуров лег на землю, прикрываемый стволом дерева и, выставив перед собой дуло верного «штейра», стал ждать. Через несколько секунд он снова увидел за ветками красный флажок.

– Выходи, ты на прицеле, – коротко крикнул Гуров в темноту.

В это мгновение огонек дернулся, в кустах послышался шелест, и Гуров выстрелил. За выстрелом последовала тишина, а уже через секунду очередью по стволам рассыпалась беспорядочная стрельба из автоматического «ВСК-94». Полковник запоздало вспомнил, что забыл положить в карман сменный магазин для своего пистолета. Пошарив по земле рукой, понял, что ружье осталось лежать рядом с соседним деревом, расстояние до которого было довольно приличным, а проход к нему ничем не защищен от смотрящего в объектив оптического прицела из кустов снайпера. Ну да ладно!

Глазок прицела исчез. Однако Гуров знал, что на этом оружии точка прицеливания могла высвечиваться и черным цветом. Времени на раздумье не оставалось. Полковник нащупал на земле палку и быстро отшвырнул ее в сторону. Раздалась новая бесшумная очередь, и Гуров, не глядя, из-за дерева, произвел еще два выстрела. В кустах раздался пронзительный крик и последовавшее за ним жестокое ругательство. Попал. Но, судя по всему, стрелок был только ранен. Гуров отполз еще на два-три метра правее того места, куда стрелял снайпер, и попластунски двинулся по направлению к кустам. Раздалась еще одна очередь. Шальная пуля задела полковнику куртку, оставив на рукаве рваный след. Определив, что стрельба уже ведется не прицельно, сыщик быстро вскочил на ноги и, обежав за деревьями круг, приблизился к кустам,

откуда продолжали доноситься стоны. Теперь он отчетливо мог видеть на просвет скорчившуюся фигуру человека, который то ли от боли, то ли от отчаяния продолжал палить, выстреливая обойму винтовки до конца. Гуров решил дождаться момента, когда магазин закончится, но в это мгновение снайпер резко развернулся и нажал на курок. Пуля вскользь задела левую руку Гурова, он почувствовал боль, отшатнулся и навел пистолет на стрелявшего. Выбора так же, как и времени для принятия какого-либо альтернативного решения, у полковника не было. «Штейр» дернулся в его правой руке. Человек откинулся назад, а винтовка выпала у него из рук. Стоны прекратились. Наступила полная тишина.

Гуров опустился на корточки, ощупал раненую руку. Ничего серьезного. Снова поднялся и уже неспешным шагом, но не убирая оружия, дошел до места, откуда стрелял снайпер. Ударом ноги отшвырнул винтовку в сторону. Человек лежал на животе. Спина и рукав одежды были пропитаны влагой. Гуров перевернул еще гибкое, но уже отяжелевшее тело лицом вверх. Свет луны в этом месте почти не проникал в глубь леса. Полковник нащупал рукой зажигалку в кармане куртки, достал ее, и большим пальцем провернул колесико. Пляшущий на ветру огонек осветил фигуру и лицо лежащего на спине человека. Это был Илья.

Рублевка. Особняк Александра Глазберга

– Одним словом, он мне не понравился, Александр Романович. – Нечайкин придвинул к себе поближе чашку ароматного чая со вкусом мяты и сделал маленький обжигающий губы глоток. – Не думаю, чтобы это был легавый. Я навел все необходимые справки. Выйти на Клоча мне, правда, не удалось, хотя, как утверждают некоторые не раз проверенные нами кадры, он действительно человек авторитетный среди столичной братвы, а вот с Артемом Сиплым я пару часов назад даже имел сомнительное удовольствие пообщаться лично. Кстати, ужасный тип, Александр Романович. Не хотел бы я когда-нибудь оказаться в списке его недоброжелателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.